

(1762) послужила основой для травестированного «буколического» пассажа в «Елисеи»⁵¹

При анализе приписываемого здесь Майкову стихотворения следует учесть, что оно состоит из двух различных частей. Если первая изобилует намеками на конкретных писателей и на конкретные литературные произведения, то вторая содержит, в сущности, набор штампов стихотворной сатиры. Целый ряд изречений анонимного автора якобы о себе самом исчерпывающе объясняются общими местами литературной традиции. На основании этих изречений вряд ли можно заключить, что сочинитель послания писал сатиры, как считал В. П. Семенников,⁵² соответствующие места в действительности конвенциональны — они восходят к первой сатире Буало и в конечном итоге — к ее античным образцам.

Значимость дословных текстуальных совпадений для атрибуции любого анонимного произведения, конечно, ограничена (хотя, как представляется, не более ограничена, чем значимость мировоззренческих или общестилистических точек соприкосновения). Однако чем больше таких совпадений, тем убедительнее предполагаемая атрибуция. Правда, подобные сходства зачастую являются результатом заимствования из чужого произведения (будь это скрытая цитата, реминисценция, подражание или плагиат). Если же, как в данном случае, совпадения встречаются в произведениях, созданных не только *после* атрибутируемого сочинения, но и *раньше*, чем оно, трудно объяснить это иначе как тождество авторов рассматриваемых произведений.

⁵¹ Там же С 114–115, 290

⁵² Семенников В. П. Русские сатирические журналы С 49